

Небо было голубым.

И в этот обычный будний день посреди дня ничего не предвещало.

— Ах, давно не виделись, Катсураги-кун.

— Оиномори-сан...

Я открыла дверь и застыла.

Фигура модели и брендовый брючный костюм, который ей очень шёл.

Формальная одежда и растрёпанные волосы. Но такая дикость странным образом сочеталась с костюмом и предавала непропорциональную привлекательность.

Ей было уже за сорок, но лицо молодое и кожа ухоженная.

А ещё... Глаза.

Глаза дикой волчицы не изменились с нашего знакомства.

Оиномори Юеми.

Директор компании «Лёгкий корабль», в которой я работаю.

— Я сегодня встречаюсь с Сорой-сенсеем, вот и подумала к тебе заглянуть, — усевшись на диване, озвучила причину Оиномори-сан.

Сора-сенсей — это опытный иллюстратор, живущая неподалёку. Мы несколько раз работали вместе и неплохо ладили.

— Я не против... Но хотелось бы, чтобы вы хоть предупреждали за день, что придёте, — наливая заваренный в «Dolce Gusto» кофе, сказала я. — Всё же люди обычно не приходят посреди дня без предупреждения.

— Прости. Хотела увидеть удивлённое лицо Катсураги-кун.

Она извинилась, хотя раскаяния на лице не было.

Эх. Совсем не изменилась.

Ведёт себя как ультрамен какой-то.

Сколько раз её идеи у меня землю из-под ног выбивали.

— Но мы и правда давно не виделись, Катсураги-кун, — взяв кружку, полная эмоций, сказала Оиномори-сан. — Уже с полгода?

— ... Верно. Хотя из-за того, что каждый день общаемся по телефону, этого совсем не ощущается.

— Ха-ха-ха. Точно.

Компания «Лёгкий кораблик».

Харизматичный редактор крупного издательства Оиномори Маюми ушла и организовала свою фирму. Спектр деятельности разнообразен, даже сложно объяснить... Но всё это связано с индустрией развлечений, например играми, аниме и ранобе.

Я устроилась десять лет назад и до сих пор продолжаю работать.

По большей части работаю я из дома.

Иногда приходится куда-то сходить, но в основном работаю я перед компьютером, а общаюсь по телефону и почте.

Так что видимся мы довольно редко.

Эх... А она вообще не стареет, даже завидно. И не подумаешь, что уже за сорок. Если ещё постарается, то на двадцать с лишним тянуть будет.

— Пока не виделись... Ты слегка округлиться успела, Катсураги-кун, — задумчиво сказала она.

— А... Округлиться?

— Да. Жирком заплывать.

— Вы о моей фигуре?!

Это она не про духовный мир?!

Без всяких метафор, говорит, что я вес набрала?!

— ... Оиномори-сан, это что по работе, что в личной жизни сексуальное домогательство, моральное домогательство. Вам ещё не пора?..

— Я-я же пошутила. Да уж... Ты всё такая же суровая.

На миг она испугалась.

— Ладно, я не про фигуру. Раньше ты более колючей была... А тут прямо ощущается, что стала более привлекательной как женщина, чем раньше была, — сообщила Оиномори-сан.

Видящие насквозь глаза смотрели на меня.

— Влюбляясь, женщина расцветает.

— Что... Н-ни в кого я не влюблена.

— Хи-хи. Да не смущайся ты.

— Я и не смущаюсь. И вообще... Предвзято говорить, что я поменялась! Думаете, что влюбилась, вот вам и кажется.

— Ха-ха-ха. Может и так.

Я возражала, а она оставалась спокойна.

— И всё же, Катсураги-кун. Пусть не подтверждено, что ты влюбилась... В тебя-то кое-кто влюблён.

— ...

— И где сейчас этот Атерадзава Такуми-кун?

— ... Д-думаю, дома. Сегодня он говорил, что не идёт в университете... Он утром Миу написал. Лекций сегодня не будет, так что он будет заниматься дома.

— Хо, как удачно, — улыбнулась Оиномори-сан. — Что ж, Катсураги-кун, давай возьмём суси.

«Конечно... На троих», — дико улыбнувшись, добавила она.

Небо было голубым.

«Таккун, ты уже пообедал?»

«Ещё нет...»

«Не хочешь у меня суси поесть?»

«А можно? Я с радостью, но чего так внезапно?»

«Да так... У меня тут один странный человек, но если ты не против».

Я получил странное приглашение и направился в дом Катсураги по соседству... Там меня ждали не находившая себе место Аяко-сан, дорогие сиси на троих.

И.

— Ах. Рада знакомству, Атерадзава Такуми-кун.

Женщина дикой наружности в костюме.

— Ну-ну, не стой, проходи и присаживайся.

— ... Д-да.

Она усадила меня, будто это её дом. Так естественно велела это, я даже послушался.

— Что ж, давайте отметим нашу встречу... Будем! — она села на диван напротив и действовала в собственном темпе, Аяко-сан пыталась угнаться за ней. И я взял стакан со стола.

— Кстати, Атерадзава-кун, ты суси любишь? Может тебе что-то не нравится?

— А... Д-да нет, люблю. Да и нет такого, что бы мне не нравилось...

— Вот как, ну и хорошо. А я суси только с сёмгой люблю, так что все остальные можешь есть.

— Э, а...

— Да не стесняйся. Ты молодой, ешь как следует.

Она принялась накладывать мне суси кроме тех, что с сёмгой.

Дорогие ведь блюда.

А она как ребёнок «буду только с сёмгой»... Хотя какая разница.

Нет, постой-ка.

А кто она?

Такая значительная, ведёт себя как дома, так кто же она?

— П-прости, Таккун... За то, что так внезапно позвала.

Я ничего не понимал, и передо мной извинилась сидевшая рядом Аяко-сан.

— Я была против, но она не слушала...

— Да ничего страшного... Так кто это?

— А, она...

— О, я ведь ещё не представилась. Вот, прошу.

Она не дала договорить, положила палочки и из кармана достала визитку.

Сидя она протянула её, но я встал и принял двумя руками.

Это, их ведь так принимать надо.

— Фамилия Оиномори, имя Юмеми. Хочу весело проживать каждый день... Ну, можно сказать, что я женщина с лёгким на подъём характером, — сказала она и вернулась к еде.

Подавленный исходившей от неё силой, я посмотрел на визитку и удивился.

— Директор компании «Лёгкий корабль»... А? Директор?!

Я тут же поднял голову и посмотрел на Оиномори-сан, а потом на Аяко-сан.

— Аяко-сан, вы ведь там работаете...

— ... Да.

— Так этот человек... Ваш директор...

— ... В-сё так. К сожалению.

На её лице перемешались разные чувства.

Я снова посмотрел на Оиномори-сан. Вот уж не знал. Начальник Аяки-сан такая открытая красotka.

— Я не номинально на должности. Создала компанию — должна управлять. И за должность не держусь. Если надо, могу хоть сейчас приемника назначить. Ну что, Катсураги-кун? Займёшь должность директора?

— Прекратите шутить. Наша компания работает благодаря вашим личным связям.

Не знаю, насколько она была серьёзна, но Аяко-сан это предложение поразило. По их общению было видно, что они уже давно знают друг друга.

— Ну вот. Я представилась. И кстати... Атерадзава-кун.

Съев суси с сёмгой, она запила его чаем и задала вопрос.

— Ты влюблён в Катсураги-куна?

— Пф.

Я подавился суси. Миг, и я уже тут задыхаюсь.

— Ч-что?..

— Хи-хи. Можешь не скрывать. Я от Катсураги-кун уже всё слышала.

— Оиномори-сан!.. А... П-прости, Таккун... Это, я с ней на личные темы общаюсь, так что... — запереживала Аяко-сан.

— Ну так что?

— ... Ну, в-влюблён.

— Т-Таккун... Блин.

Вытянувшись, Оиномори-сан садистски улыбнулась и спросила, а мне оставалось лишь кивнуть. От стыда я умереть был готов. И Аяко-сан рядом смутилась.

— Хи-хи. Вот как. Ну и хорошо.

Мы краснели, а женщина наслаждалась нашей реакцией.

— И всё же... Ты ведь ещё так молод. Тебе сколько, двадцать? В твоём возрасте полюбил женщину вроде Катсураги-кун...

С интересом она смотрела на меня.

— Тебе нравятся женщины постарше?

— Пф... Кхе-кхе, кхе.

Я подавился ещё сильнее. Суси не туда попало. Я не мог ответить, и зазвучал взволнованный голос Аяко-сан:

— Подождите... Ч-что вы говорите, Оиномори-сан?!

— Двадцатилетний парень влюбился в тридцатилетнюю женщину. Вывод напрашивается один. Ему нравятся зрелые женщины.

— ... То есть вы меня зрелой женщиной называете?

— Ты отличная зрелая женщина.

— Н-не зрелая! Пока ещё нет! — протестовала Аяко-сан, но Оиномори-сан гнула свою линию и дальше:

— Что? Ни к чему стесняться того, что тебе зрелые женщины нравятся, Атерадзава-кун. Сейчас жанр «зрелая женщина» среди мужчин очень популярен. Вполне себе обычный фетиш.

— ... Это. Не сказал бы, что мне нравятся зрелые женщины, — ответил я, отдышавшись. — А, нет... Может и нравятся. Простите, я и сам не очень понимаю.

— Хм? Не понимаешь? Ты точно про свои вкусы говоришь?

— Да... Просто кроме Аяко-сан я ни одну женщину не любил. И не думал, что мне может нравиться... Я думаю только об Аяко-сан.

— ...

— Я и с друзьями говорил, и всё равно в голову только Аяко-сан приходила... Думаю, она единственный тип женщины, который мне нравится... А? А?

Атмосфера стала какой-то странной.

Аяко-сан вся красная опустила взгляд, а на лице задававшей вопросы Оиномори-сан была неловкость.

— Надо же... Катсураги-кун. Ну и парень в тебя влюбился.

— ... О-отстаньте.

— Хи-хи. Да уж. А ведь я поиздеваться хотела. А ты меня дара речи лишил... Настоящий мужик, Атерадзава-кун.

Ничего не понял, но кажется я попрос в её глазах.

— Жалость-то какая. Если бы тебя женщины старше интересовали, я бы составила ей конкуренцию. Вместо Катсураги-кун сестрёнка показала бы всё очарование взрослой женщины.

— ... Оиномори-сан, вы не в том возрасте, чтобы сестрой называться.

— Сестра — это не возраст, а состояние души.

— Не честно, меня зрелой женщиной называете, а себя сестрёнкой. Вы-то куда более зрелая, вам уже сорок два.

— С-сорок два?! — удивлённо выдал я и уставился в лицо Оиномори-сан.

Быть не может.

Лет тридцать... Нет, почти тридцать, так я подумал.

— Вы на сорок не выглядите. Такая молодая.

— Спасибо. Мне приятна твоя забота.

— Нет, это никакая забота... Когда увидел, я подумал, что вы моложе Аяко-сан.

Я так же поражённо говорил... И тут заметил.

Плохо.

Это было ужасно!

Я сейчас сказал лишнего!..

— ... Хе.

Ну вот.

Была неловкая атмосфера, а теперь всё точно замёрзло.

Аяко-сан мрачной тенью накрыло. В глазах был гнев, но сильнее всего ей завладело отчаяние.

— ... Хм, вот как. Я старше сорока двухлетней... Вот как ты меня видишь, Таккун...

— Нет, всё не так! Аяко-сан, вы тоже молодая! Просто я... Знаю ваш возраст... Вот и сопоставил его с внешностью Оиномори-сан...

— ... Хи-хи-хи. А-ха-ха-ха! Ты прости, Катсураги-кун.

Я пытался поддержать женщину, а Оиномори-сан рассмеялась.

А потом весело и с сарказмом продолжила:

— Да уж, завидую я тебе. Я-то молодо выгляжу, потому что выгляжу не так уважительно. Завидую я тебе, что тебя воспринимают на столько, сколько тебе есть. Может расскажешь, как больше чувства достоинства проявлять?

— ... М!.. О-Оиномори-сан, у вас его нет, потому что вы ведёте себя странно и не в соответствии с собственным возрастом.

— А ещё у меня фигура лучше, и в отличие от тебя, лентяйки, я три раза в неделю хожу в тренировочный зал, чтобы заниматься.

— ... Я-я мать-одиночка, у меня домашних дел много! У меня в отличие от других обязанности есть!

— Ну да. И парень, который влюблён в тебя, сказал, что я моложе выгляжу. Отсюда можно сделать лишь один вывод: как ни посмотри, я моложе.

— ... Р-разве вам не понятно?! У Таккуна запущенный случай увлечения зрелыми женщинами, вот его мозг и подстроил всё так, будто я старше!

Из-за моих неудачных слов женщины начали ссориться.

И теперь у меня уже запущенный случай со зрелыми женщинами.

— Хо. Сдаваться ты не собираешься.

— Конечно.

— Хорошо. Тогда... Сразимся.

Аяко-сан обнажила клыки, и Оиномори-сан улыбнулась ей.

— Устроим состязание и выясним, кто из нас моложе выглядит.

— Состязание?.. Какое?

Женщина зловеще улыбнулась и сказала:

— Назовём его... «Если ты не молода, и тебе больше подошла смущающая одежда, ты

победила».

Правила оказались просты.

Всё как в названии... Надо было надеть смущающий наряд, и кому он больше пойдёт, та и победила. Хотя кто тут ещё победитель.

Решение будет принимать судья.

Ну и понятно... Судья я.

... Втянули, однако.

Оказался затянут в поединок, в котором участвовать вообще не хотелось.

В-вообще не хочу.

Пусть всё с моих слов началось, но не судить же мне теперь.

— А-Аяко-сан...

— Всё в порядке, Таккун.

Я обратился к женщине и услышал, что её голос дрожал, но при этом в нём ощущалась решимость.

— Я ни за что не проиграю.

— ...

Нет, ну. Может не будете пытаться победить в состязании, которое счастливой вас не сделает? Я бы хотел, чтобы к вам вернулась рассудительность.

Но похоже состязание женщин было не остановить.

— ... Эх. И как так вышло?

Я вздыхал, оставшись в гостинной один.

А они пошли переодеваться в «смущающую одежду для немолодых».

Аяко-сан стала искать по дому, а у Оиномори-сан похоже всё было в её сумке.

И что же они наденут?

— ... Таккун, я захожу.

Первой переоделась Аяко-сан.

Дверь гостиной открылась.

Увидев её... Я обомлел.

Школьница.

Нет... Не школьница.

Для школьницы она слегка взросло смотрится.

Рубашка, свитер, юбка... Символ молодости, который дозволено носить лишь подросткам. И в этой одежде... Аяко-сан покраснела до ушей.

Чтобы победить, она ещё и в позу встала... То ещё зрелище.

— Н-н-ну как? Похожа я... На старшекласницу?

— ...

— ... Эй, Таккун... Прошу, не молчи. Я не хочу, чтобы ты вообще на это никак не отреагировал. От такой твоей реакции... Под машину броситься хочется.

— Э-это.

Тридцатилетка в школьной форме лишила меня дара речи, а Аяко-сан была готова расплакаться.

Не хватало, чтобы она под машины бросалась, потому я пытался выдавить из себя хоть что-то.

— Это, ну... Сурово...

— Сурово?! У-у, у-а-а... Н-ну да, понимаю. Что ни думай, сурово... Тридцатилетняя в форме старшеклассницы... Даже стыдно, что я на свет родилась...

— Да нет! Не сурово! Я хотел сказать, что сурово размер маловат!

Аяко-сан давила депрессия, а я пытался что-то сказать.

— Она... Миу? — поинтересовался я, и женщина кивнула.

Так форма Миу. Скорее всего запасные рубашка и юбка, а свитер Миу не надевает, потому что не сезон.

— Размер... Нормальный?

— Н-нормальный... Хотя на животе жмёт.

— Это не нормальный...

— Ну а что поделаешь?! Я не виновата, что Миу такая худышка! Почему моя дочь такая худая?!
— это только вывело Аяко-сан из себя.

Она из-за талии переживала, но меня больше волновала... Её грудь.

Два холма были перетянуты, и пуговицы были готовы оторваться.

Н-ничего себе...

Как выпирают...

— Э-эй, Таккун... Так как тебе? Скажи прямо... Мне идёт? Похожа я на старшеклассницу?

Она задала вопрос, и ответить на него было очень сложно.

— Это, как бы сказать... В определённом смысле идёт.

— В-в определённом смысле?

— Нет, нут... Старшекласницей вас не назвать, больше на косплей похоже... Но как косплей очень даже.

— ... Это похвала?

— Похвала...

Я не врал. Видя Аяко-сан в таком наряде... Я не мог успокоиться. Безнравственно и запретно, даже глаза слепит.

В разных смыслах сурово... Это же сурово?

— Очень обворожительно.

— ... У-у. Что-то меня это не радует.

Хоть и сказала это, была слегка рада.

Похоже её устраивало.

И как бы сказать... Такая Аяко-сан даже милая. То, что она в своём возрасте занимается таким... И правда мило.

Я снова испытал на себе силу её очарования (?)... И тут.

— О, старшекласница, — прозвучал голос Оиномори-сан.

Она наконец переоделась и пришла в гостиную.

— Хи-хи-хи, понятно, это одежда Миу. Косплеишь старшекласницу... Ты хороша, Катсурагикун. Подходишь серьёзно к такому глупому состязанию. Твоя прямолинейность мне ещё десять лет назад приглянулась.

Мы посмотрели в направлении двери... И были шокированы.

Тем, что Оиномори-сан в той же одежде.

— Что... П-почему... — голос Аяко-сан дрожал.

— Почему... Не переоделись?!

Так и есть... Она была в том же костюме.

Вообще не изменилась с тех пор, как покинула гостиную.

— Вы ведь должны были переодеться для этого смущающего состязания...

— М? А... Так я тебя обманула, — ответила она.

Спокойно.

Прямо вообще обыденно.

— Будто я бы стала в странной одежде расхаживать. Хи-хи-хи. А ты повелась на такую нелепую ложь.

— ...

— А, конечно же я проиграла. Чистая победа, Катсураги-кун. Вот уж не думала, что ты даже до такого наряда дойдёшь. Да, сурово. Реально сурово... Хи-хи-хи, тебе идёт... Ха-ха-ха.

Не способная сдержаться, женщина рассмеялась.

Похоже мы всё это время плясали под её дудку.

С самого начала она игралась с нами.

Победившая в сражении, но проигравшая в войне Аяко-сан рухнула.

— ... Блин, ненавижу вас! — плакала она.

И когда передо мной была тридцатилетняя школьница в слезах, я даже не знал, что можно сказать.

Я ещё какое-то время не могла прийти в себя... Но не может же тридцатилетняя женщина в таком виде плакать, я собралась и вернулась в свою комнату.

— Хи-хи. А ну-ка соберись, Катсураги-кун.

Пока переодевалась, вошла Оиномори-сан.

— Я пришла извиниться. Прости, мне жаль. Хи-хи-хи.

— С улыбкой на лице не извиняйтесь! — гневно кричала я, оставшись в одном лифчике.

Эх... Вся рубашка мятая. Прости, Миу. Потом поглажу.

— Я правда разозлилась! Увеличьте зарплату вдвое, иначе не прощу!

— Да без проблем. Вдвое. Ладно, поняла. Со следующего месяца будет.

— ... Прекратите. Меня бесит такое ваше отношение, Канемори-сан[□]Со словами играетсЯ. Женщину зовут «волчий лес», а она её переименовала в «денежный лес». Ну, по сути неугомонный мешок с деньгами..

— Не можешь ты прямо говорить.

Блин, ну её...

Почему у меня такой начальник?

Почему нашей компанией управляет бестолковый директор?

— Ладно тебе, главное ведь, что всё хорошо. Ты смогла покосплеить перед Атерадзавой-куном. Раз у него такие своеобразные увлечения, то теперь он ещё сильнее тебя полюбит.

— ... Что-то меня не радует, что он полюбит меня сильнее из-за такого.

— Хм? Вроде радовать должно, что тебя сильнее любят.

— Это... Просто фигура речи такая, — отмахнулась я.

Вот так болтая, я уже готова была выдать искренние чувства.

Сама не заметила, как заговорила от всего сердца.

— Хи-хи. Легко же тебя подначить, Катсураги-кун, — веселилась женщина, подняла руки и потянулась. — М. Не зря зашла. Посмотрела на косплей Катсураги-кун и познакомилась с Атерадзавой-куном.

— ... Так вы из-за Таккуна пришли.

— Ну да. Ради того, кто может твоим мужем стать. Должна же была я его оценить.

— Ч-что вы говорите? Мы... Пока не знаем, как всё сложится.

— Ой. Точно. У вас же сейчас период полный чувств, когда из друзей вы во влюблённых превращаетесь.

— У-у...

Она точно издевалась, и я могла лишь мычать.

Оиномори-сан посмеялась, но тут.

— Но знаешь... — она вздохнула.

— ... Лучше тебе от него отказаться.

С насмешкой и смирением холодно сказала она.

— А?..

— Ты всё переживала, вот я и пришла выяснить, что он за парень... Но честно, такого я не ожидала. Обычный студент, каких везде полно, — с лёгкой издевкой спокойно говорила женщина. — Симпатичный, но не красавчик... Он студент, так что за душой у него ничего. Живёт с родителями, машины нет. Я понимаю, почему ты не видишь в нём мужчину. Если не привлекают парни моложе, то для тридцатилетней женщины в нём нет ничего особенного. Поиграться можно, но я бы не стала рассматривать вариант встречаться с ним с заделом на будущее, — она усмехнулась. — К тому же... На него нельзя положиться. Он унылый. В день свидания заболел, тоже большой минус. В такие моменты жалкие мужчины ничего не стоят. И как-то слегка отвратительно, что он был десять лет безответно влюблён. Прямо какой-то преследователь, — женщина всё ещё продолжала. — Есть мужчины и получше. Могу познакомить. С состоятельными мужчинами, которые тебе подойдут...

— ... Оиномори-сан, — губы стали двигаться сами. — Будете и дальше оскорблять его, и я разозлюсь.

Сама удивилась... Как мой голос дрожит.

Я злюсь.

Грудь переполняла злость, голос и тело дрожали.

— Позволю себе поправить. Таккун не безответственный. Он серьёзный, искренний, добрый и на него можно положиться, — я уставилась на собеседницу.

На начальника, который дал мне работу.

С тех пор, как устроилась, я впервые так ей возражала.

— С тех пор, как я удочерила Миу, все эти десять лет... Я могла положиться на него.

Я вспомнила, что было.

Все эти десять лет... Рядом всегда был Таккун.

Всегда рядом и всегда поддерживал.

— Он был рядом и я не замечала... Но когда у меня возникали проблемы, в первую очередь... Я обращалась к нему.

Я этого никогда не замечала.

Это было так привычно, что поняла я это слишком поздно.

— Когда я была на работе, а Миу одна дома, именно он приходил с ней поиграть... Помогал готовиться ко всем мероприятиям, и ещё серьёзнее меня подходил к её экзаменам...

Пальцев не хватит, чтобы всё пересчитать.

Он столько раз выручал меня.

— Более надёжного мужчины я не знаю.

— ...

— Может он и не состоятельный экономически... Так ведь он студент! Но в его будущем я уверена! Он найдёт хорошую работу и станет много зарабатывать! Я знаю! И лицо... М-мне оно нравится! Таккун классный! И фигура отличная, он ведь пловец! Мне всё в нём нравится!

— ...

— И ещё... То, что он десять лет был влюблён... Я мерзким не считаю. Вначале я удивилась и не знала, что делать... Но теперь я рада. Он целых десять лет меня любил...

— ...

— В-в общем Таккун — замечательный мужчина! И если вы ещё что-то плохое про него скажете, Оиномори-сан, я вас не прощу...

— ... Пф. Хи-хи, а-ха-ха-ха!

Я кричала на неё, а она расхохоталась.

— А-ха-ха. Вот как. Понятно. Ну тогда...

Смеясь, она открыла дверь.

— ... Скажи это ему лично.

Она сунула руку за дверь... И затащила внутрь того, кто был снаружи.

— А... Т-Таккун?! — удивлённо вскрикнула я.

В комнате оказался смущённый парень.

— П-простите, я... Вас долго не было, и я пошёл проверить... А вы начали разговаривать.

— Хи-хи-хи. Дрянной ты мальчишка, Атерадзава-кун. Подслушиваешь женский разговор.

Было видно, что Оиномори-сан наслаждалась этим.

Точно смотрела на попавшуюся в ловушку добычу.

— Оиномори-сан, неужели вы с самого начала знали, что Таккун здесь...

— Шаги услышала и поняла, — бесхитростно ответила она.

Позор.

Меня проверили.

Она услышала, что Таккун поднимается, и подстроила ловушку.

Специально злила, чтобы Таккун всё услышал.

Знала, что я возражать буду.

— Хи-хи. Прости, что всего наговорила про тебя. Это...

Она положила руку на плечо Таккуну, извиняясь, а потом бросила на меня взгляд.

— ... Серьёзный, искренний, добрый, на которого всегда можно положиться мужчина, Таккун, верно?

— ... М?!

Издавается!

Она надо мной издается!

Ува! Стыд какой! Чего я наговорила?! Разозлилась и несла такое!

— В-всё не так, Таккун! Это... За что купила, за то и продаю... А не как-то иначе... Правда, ну...

— В-всё хорошо, я понимаю...

Мы оба краснели.

— Ха-ха-ха. Какие же вы оба милые.

Одна Оиномори-сан веселилась, она повернулась к нам спиной и покинула комнату.

— Ладно, мне уже пора возвращаться. Я уже порядком насладилась вашей молодостью.

— А... А.

— Оставайся такой же молодой, Катсураги-кун.

Я думала пойти за ней, чтобы проводить, а она обернулась и сказала:

— «Молодость — это не возраст, а состояние души»... Так сказал Сэмюэл Эрман, американский поэт, и это мой девиз.

Это... Я и так знаю.

Этот девиз написан на стене компании в её кабинете.

И не известный отрывок, а полное стихотворение.

— Сколько бы лет ни было, если жить полной жизнью, душа не постареет и не увянет. Так что, Катсураги-кун, вкладывайся полностью в работу и любовь. Рано тебе ещё пока возраст как причину использовать, — сказала она, довольно улыбнулась и спустилась вниз.

Женщина забрала свою сумку в прихожей и ушла.

А я и Таккун лишь наблюдали, как она уходит, полная уверенности в себе.

Прямо... Ощущается величие.

— Оиномори-сан невероятна.

— ... Точно.

Отчасти с восхищением, а отчасти с недовольством я согласилась.

Вела она себя как ей самой хотелось. Заставила плясать под свою дудку.

Да уж... Тот ещё директор.

Наглая, высокомерная, к деньгам и любви она относится пренебрежительно. В любом возрасте она остаётся избалованным ребёнком, который никого не слушается... И всё же.

Не могу я её ненавидеть.

Я ей благодарна.

И никаких слов не хватит выразить мою благодарность.

Только устроившись, я стала матерью-одиночкой, но до сих пор продолжаю работать, и всё благодаря Оиномори-сан.

— Прости, Таккун. Втянула тебя моя начальница в свои забавы.

— ... Да нет, ничего страшного, — покраснев, Таккун отвёл взгляд.

— М? Ты чего?

— Нет, ну... А-Аяко-сан, — смущённо говорил он. — Может... Оденетесь?

— А?... Кья!

Я опустила взгляд, увидела, в чём была, и закричала.

Я-я не оделась!

Внизу юбка... А вот сверху один лифчик.

Ува... Б-блин! Пока переодевалась, Оиномори-сан стала говорить всякое про Таккуна, вот я остановилась и принялась возражать... И всё в таком виде!

Прямо в лифчике!

— Нет... У-у, Таккун, чего так поздно сказал...

— П-простите, просто момент подобрать не мог... А. Я пойду.

Таккун убежал, а я, завалившись, провожала его взглядом.

Неужели... Это тоже Оиномори-сан спланировала?

Специально устроила всё, когда я переодеваться буду...

У, а, блин!

Терпеть её не могу!

<http://tl.rulate.ru/book/71226/1922653>